

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУР И ОБЩНОСТЕЙ СИБИРИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

УДК 903.5(571.1/.5)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.21

В.В. Бобров

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

МОГИЛЬНИК ТАНАЙ-12 СРЕДИ ИДЕНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

В статье дана культурная принадлежность и статистика захоронений как грунтового, так и курганного типа на площади некрополя Танай-12. Это позволило установить его идентичность грунтовому могильнику Еловского археологического комплекса (ЕК-II), что дало возможность подтвердить некоторые выводы, полученные в результате его исследования. В частности о хронологическом соотношении андроновских и андронидных захоронений. Предложена идея о том, что интервал хронологического разрыва между ними еще не привел к разрушению видимых признаков андроновских могил. Поставлен вопрос о типичности для погребальной практики населения андронидных культур Южной Сибири совершать захоронения на андроновских кладбищах. Анализ некрополей Кулундинской степи, Барнаульско-Бийского, Новосибирского и Томского Приобья, северных котловин Среднего Енисея позволил установить, что эта погребальная практика была свойственна только населению северо-восточной периферии бывшего андроновского ареала.

Ключевые слова: андронидная культура, эпоха бронзы, постандроновское время, некрополь, обряд погребения, Кузнецкая котловина, Южная Сибирь

Введение

В западносибирской археологии с 70-х гг. прошлого столетия утвердилось понятие «андронидная культура». Оно характеризовало комплексы, в которых отчетливо был выражен андроновский орнаментальный компонент в разной степени трансформации. Культуры андронидного облика, по мнению М.Ф. Косарева – автора концепции, сформировались на северной периферии андроновского ареала от Южного Урала на западе до Кузнецкого Алатау на востоке. Свиту этих культур составляют черкаскульская, пахомовская, еловская и корчажкинская. По убеждению автора статьи, к ним можно отнести «классический» этап карасукской культуры, но только северный ее вариант. Не исключено, что дополнит андронидную группу бегазы-дандыбаевская культура казахстанских степей. В изучении андронидных культур обозначена одна проблема, на мой взгляд, достаточно существенная в теоретическом и практическом аспекте. Она не получила решения до настоящего времени. Суть ее заключается в том, что в андроновском ареале андронидные комплексы, особенно на северной его периферии, могли составлять одну археологическую культуру. Аргументация сводится не только к пространственному фактору, но и к единству автохтонной основы, выраженной в гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Данный фактор лишь в некоторой степени можно принять в качестве компонента корчажкинской культуры. И бесспорно его несоответствие истокам формирования карасукской культуры.

В рамках андроновско-андронидной проблематики предлагаем рассмотреть планиграфию некрополей, содержащих разные по культурной диагностике погребения. Предпосылкой для исследования этого сюжета послужили материалы могильника Танай-12.

Результаты и обсуждение

Некрополь Танай-12 расположен на пологом склоне гривы западного берега озера Танаево (в обиходе местного населения «Танай»), который административно принадлежит Тогучинскому району Новосибирской области. В настоящее время его местонахождение включено в территорию Калтыракского заказника. Географически он находится на юго-западной периферии межгорной Кузнецкой котловины в предгорьях Салаирского кряжа, а в гидрологическом аспекте относится к бассейну Верхней Оби.

Памятник открыт автором статьи в 1998 г. Его раскопки были начаты В.С. Горяевым (2000–2001 гг.), а завершены В.В. Бобровым (2002–2004 гг.). К сожалению, постоянная распашка склона гривы привела к уничтожению сооружений из дерна («насыпь») над сакрализованной площадью кургана. Всего удалось выявить восемь визуально определимых курганов, еще восемь установлены по организации сакрализованного пространства в виде оград. В пределах памятника исследовано 159 могил. Можно предполагать, что большая их часть связана с бескурганым характером захоронения. Это наглядно подтверждают статистические данные по захоронениям постандроновского времени. Из 97 могил этого историко-хронологического периода 26 относительно достоверно связаны с курганным способом погребения. 40 захоронений (если не считать могилу в виде маленького каменного ящика, в котором не удалось проследить остатки погребения) произведены населением андроновской культуры. Причем умерших сородичей они похоронили преимущественно по обряду ингумации, но известен и обряд кремации с последующим захоронением. Курганный способ захоронения андроновского некрополя определен по круглой форме ограды из сланцевых плит или рваного камня. 18 могил связаны с небольшим участком, на котором было восемь сакрализованных площадок квадратной формы, выделенных рвами. По предварительным данным этот погребальный комплекс может быть датирован эпохой развитой бронзы. Атрибуция культурной принадлежности требует всестороннего анализа и дополнительной информации. В составе памятника Танай-12 обнаружены еще две могилы, расположенные немногим выше материка и представленные деревянными рамами прямоугольной формы. Эти захоронения относятся к ирменской культуре. Наконец, на площади некрополя было выявлено еще одно захоронение – необычное для эпохи бронзы верхнеобского бассейна. Несомненно, над могилой в виде каменного ящика возведено сооружение, вероятнее всего, из дерна, основание которого было укреплено сланцевыми плитами. Идентификация культурной принадлежности этого захоронения проблематична. В публикации отмечены в сопроводительном инвентаре некоторые черты, свойственные материалам окуневской культуры [Бобров, 2006, с. 322–324]. Проверка раскопами местонахождения памятника позволила установить, что он практически полностью исследован. Это создает условия для достоверности в какой-то степени его данных в процессе археологической и исторической интерпретации.

В пределах заданной темы интерес вызывает планиграфия андроновских захоронений и погребений андронидной культуры. Относительно четко все андроновские курганные захоронения локализуются в западной части древнего некрополя. Грунтовые андроновские захоронения размещены как на межкурганном пространстве, так и в восточной части памятника. Сепаратное размещение погребений представлено преимущественно захоронениями детей, среди которых преобладают младенцы, но не исключаем присутствия единичных захоронений взрослых. Автономные андроновские некрополи

подобного типа известны науке, в частности в бассейне Верхней Оби [Грязнов, 1956, с. 22–25]. Факт неординарной погребальной практики для захоронения младенцев, детей и подростков, бытовавшей в обществе скотоводов андроновской культуры, установлен и достаточно хорошо описан [Молодин, 1984, с. 37–44; 1985, с. 109–113]. Не касаясь вопроса о распространении детских некрополей в ареале андроновской культуры, отметим, что в пространстве Южной Сибири по количественному показателю они преобладают в Барнаульско-Бийском Приобье. Не случайно Ю.Ф. Кирюшин [1995а, с. 47–49; 1995б, с. 58–75] выделяет существование детских кладбищ и специальных мест на кладбищах для взрослых как особенность андроновской культуры Алтая.

Восточную часть некрополя, которая по площади больше западной, преимущественно занимали захоронения населения культуры постандроновского времени. Характерной их особенностью, кроме морфологии и орнаментации посуды, являлась глубина могил. Как правило, она достигала уровня материка или была на несколько сантиметров ниже его. Этот признак погребальной практики имеет немаловажное значение для последующих логических построений. Не касаясь автономного расположения в южном секторе восточной части некрополя погребальных сооружений более раннего времени, констатируем некоторое совмещение в его пространстве андроновских и андронидных захоронений. При этом на запад, вверх по склону гривы, располагались только курганные захоронения андроновской культуры. На незначительном расстоянии от них, к ее вершине, находился могильник ирменской культуры Танай-7 [Бобров, Мыльникова, Мыльников, 2004].

Приведенные данные о могильнике Танай-12 в значительной степени совпадают с основными характерными признаками памятника Еловский-II могильник [Матющенко, 2004]. Я даже осмелюсь назвать его уменьшенной копией ЕК-II, особенно в аспекте пространственного соотношения погребений андроновской и андронидной культур. Это позволяет убедиться в достоверности результатов исследования В.И. Матющенко. На площади танайского некрополя не зафиксировано ни одного случая перекрывания андроновской могилы или вплотную пристроенного к ней погребального сооружения андронидной культуры. Идентичный вывод сделан В.И. Матющенко на значительно преобладающих в количественном отношении материалах. Объяснение этому факту он видел в незначительном хронологическом периоде между функционированием андроновского кладбища и временем его использования еловским населением и даже допускал возможность одновременности некоторых захоронений [Матющенко, 2004, с. 327]. Следующий вывод заключается в том, что самусьские, андроновские и еловские могилы ЕК-II составляют единый комплекс. Этот вывод подкреплен результатом анализа распространения предметов сопроводительного инвентаря, ориентации могил, положения погребенного и сосудов в могиле, глубины захоронения [Матющенко, 2004, с. 328–329]. Сущность единого комплекса заключалась в том, что некрополь ЕК-II существовал «...на протяжении доандроновского, андроновского и еловского времени без каких-либо заметных временных разрывов» [Матющенко, 2004, с. 329]. По принадлежности к археологической культуре погребений на могильнике Танай-12 ситуация идентичная: доандроновские (публикация подготовлена к изданию), андроновские и корчажкинские. Но, на мой взгляд, рассматривать их как единый комплекс вряд ли целесообразно. В представлениях андроновских пастушеских скотоводов, также как «ирменцев», обитавших в районах пойменных

лугов р. Ини, своеобразный ландшафт в окрестности озера Танай имел, вероятно, сакральное содержание [Бобров, 2000, с. 199–203]. Расположенный в трех километрах на северном берегу озера курганный могильник Танай-1 также содержал андроновские и курганные захоронения постандроновской культуры. Что же касается населения, то оно достаточно прочно освоило западный берег. Об этом свидетельствуют как стоянки сезонного типа, так и стационарный поселок, остатки сооружений которого находились в 500 м от некрополя Танай-12 [Бобров, Умеренкова, 2010, с. 22–29]. Это также дополняет сходство с Еловским археологическим комплексом, в состав которого входит поселение еловской культуры. Сомневаюсь в том, что мы найдем объяснение в археологической теории или примеры в этнографической среде одновременного использования в качестве общего кладбища населением с разной культурной традицией, даже если они представляли общества гетерогенного характера.

В связи с тем, что население, отчасти сохранившее традиции андроновской культуры, не потревожило погребения предшествующего времени, наиболее простой вариант интерпретации может заключаться в следующем. Андроновские могилы имели обозначения на поверхности каким-либо способом. До наших дней они сохранились в виде камней-obelisks или деревянных столбов. Впервые на эти вертикально установленные объекты в погребальных комплексах эпохи бронзы Евразии, как универсального явления, автор обратил внимание еще в 1989 г. [Бобров, 1989, с. 16–17]. В настоящее время известны многочисленные свидетельства их нахождения в погребальных памятниках на обширных пространствах степи и лесостепи. Но больше всего их зафиксировано в андроновских могильниках. В качестве примера укажу только на памятники Рублево-VIII, Фирсово-XIV, Кытманово, Барсучиха-II [Кирюшин, Папин, Федорук, 2015, с. 41]. Каменный obelisk, установленный в андроновской могиле на памятнике Чесноково-I, имел видимую часть 40 см над поверхностью [Кирюшин, Шульга, 1996, с. 33–38]. Не лишены деревянных столбов и камня-obeliska некоторые захоронения могильника Танай-12. Можно полагать, что их было больше. Недалеко от могильника на краю пахотного поля нередко можно было обнаружить расколотые камни. Но обозначения места погребения могли быть, например, из дерна. В любом случае места андроновских захоронений были видимы жителям поселка андронидной культуры (Танай-4). Но в хронологическом интервале, когда в лесостепи от Кузнецкого Алатау до Среднего Прииртышья появилось население ирменской культуры, следы «андроновской памяти» уже исчезли. На этом пространстве археологически выявлены случаи перекрытия андроновских могил ирменскими [Молодин, 1985, с. 115–116; Матющенко, 2004, с. 327] или могилами позднебронзового времени населения Степного Алтая [Кирюшин и др., 2006, с. 362].

В связи с проблемой хронологического соотношения андроновских и андронидных погребений на пространстве одного могильника возникает необходимость изучения данной ситуации, по крайней мере, в пределах бывшей восточной части андроновского ареала, которая выделялась особенностями в погребальном обряде и практике. Следует выяснить, была она типичной для погребальной практики населения или имела локальный характер.

Так называемые грунтовые могильники эпохи бронзы в большей степени известны на территории Лесостепного и Степного Алтая, чем в других регионах Южной Сибири. Среди них наиболее крупными некрополями, содержащими более 100 анд-

роновских погребений, являются Рублево-VIII, Фирсово-XIV, Чекановский Лог-X. Памятники Степного Алтая – вне ареала андронидных культур, если не рассматривать в этом археологическом статусе бегазы-дандыбаевскую культуру. Но некрополи Рублево-VIII и Чекановский Лог-X с захоронениями разного времени, по мнению специалистов, не содержат могил этой культуры, а погребения поздней бронзы ближе к саргары-алексеевским комплексам [Кирюшин и др., 2006, с. 361–364; Демин, Ситников, 2007; Папин, Шамшин, 2002, с. 72–77]. На памятниках зафиксированы ситуации перекрытия андроновских могил (в основном детских) захоронениями позднебронзового времени, в частности на могильнике Рублево-VIII [Кирюшин и др., 2006, с. 362]. Могильник Фирсово-XIV находится в ареале корчажкинской культуры андронидного облика. А.Б. Шамшиным в течение десяти лет на этом памятнике было исследовано 342 могилы (по некоторым данным). Их дополнили еще 44 могилы, выявленные в процессе раскопок в 2010–2011 гг. [Кирюшин и др., 2015]. В составе могильника немногим более 200 андроновских могил, 11 ирменских и могила корчажкинской культуры [Шамшин, 2002, с. 99]. Небезынтересно то, что единственное захоронение постандроновского времени (м. 76) перекрывало андроновскую могилу (м. 75). А.Б. Шамшин [1995] объясняет это тем, что корчажкинское захоронение относится к позднему этапу культуры, синхронному ирменской культуре. Имеем в виду, что некоторые андроновские могилы фирсовского могильника также были обозначены деревянными столбиками.

В центральной части лесостепного Приобья пока не выявлено некрополей, на площади которых были бы андроновские и андронидные захоронения. Исключение составляет Кузнецкая котловина, где кроме некрополя Танай-12 исследован курганный могильник Танай-1. На его площади андронидные курганы почти вплотную примыкают к андроновским курганам, расширяя кладбище к юго-востоку. В связи с курганным способом погребения обратим внимание на памятники юга Красноярского края. А.В. Поляковым проведен анализ планиграфии могильников «классического» этапа карасукской культуры, в результате которого им установлено, что ядро их составляют андроновские курганы. Эти могильники локализуются в северной части карасукского ареала [Поляков, 2006, с. 10]. Данный факт горизонтальной стратиграфии был досконально проверен им и представлен в ряде публикаций [Поляков, 2009а, с. 451–482; 2009б, с. 90–109; 2013; и др.]. С материалами памятников этой территории сопоставляли керамику андронидных культур Западной Сибири. Достаточно напомнить, что керамика из первых погребений, ныне известных как пахомовские, у специалистов вызывала карасукские ассоциации; карасукский компонент усматривали в орнаментальной традиции сузгунской культуры, наконец, неоднократно обсуждалась возможность взаимосвязи еловского и карасукского населения. Не исключая любой формы контактов, считаю, что эта проблема требует дальнейшего исследования. На основании изложенных археологических фактов пока более определенно можно сделать вывод о том, что в пределах Южной Сибири можно выделить локальную территорию, на которой в постандроновское время у населения существовала погребальная практика совершать захоронения на андроновских кладбищах (северная часть Кузнецкой котловины, Томское Приобье, северные котловины Среднего Енисея). Кроме периферийного расположения, это выделенное явление нуждается в объяснении с помощью комплексного исследования.

Библиографический список

- Бобров В.В. О генезисе оленных камней // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1989.
- Бобров В.В. Танайский микрорайон как культовое место эпохи поздней бронзы в Кузнецкой котловине // Святнища. Археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000.
- Бобров В.В. Окуневские реминисценции в культуре поздней бронзы Кузнецкой котловины // Окуневский сборник: культура и ее окружение. СПб., 2006.
- Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004.
- Бобров В.В., Умеренкова О.В. Жилища культуры постандроновского времени Кузнецкой котловины // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Новосибирск, 2010.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА. №48. М.; Л., 1956.
- Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул, 2007. Ч. 1.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век лесостепного и степного Алтая // История Алтая. Ч. I: С древнейших времен до 1917 года. Барнаул, 1995а.
- Кирюшин Ю.Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // Моя избранница наука, наука без которой мне не жить... Барнаул, 1995б.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Тур С.С., Пилипенко А.С., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV. Барнаул, 2015.
- Кирюшин Ю.Ф. Папин Д.В., Федорук О.А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). Барнаул, 2015.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Исследование грунтового могильника Рублево-VIII в 2006 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII. Ч. 1.
- Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на р. Чарыш // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Педагогика. Юриспруденция. Экономика. Барнаул, 1996. №2.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004.
- Молодин В.И. Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка-3) // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б. Хроностратиграфия археологических комплексов озера Рублево (Южная Кулунда) // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Тюмень, 2002.
- Поляков А.В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных комплексов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
- Поляков А.В. Относительная хронология памятников раннего периода карасукской культуры // *Stratum plus*. 2009а.
- Поляков А.В. К проблеме взаимосвязи карасукской культуры и памятников андроновской общности на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. 2009б. №4.
- Поляков А.В. Ранние этапы развития эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // Бегазы-даньбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013.
- Шамшин А.Б. Погребение корчажгинской культуры из Лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. 2.
- Шамшин А.Б. Хроностратиграфия памятников бронзового и раннего железного веков из Фирсовского археологического микрорайона (Барнаульское Приобье) // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Тюмень, 2002.